

ИСТОРИЯ

Х.А.Амирханов

НАЗВАНИЯ АНДИЙСКИХ СЕЛ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ
И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В данной работе делается попытка специального рассмотрения вопроса об этимологии и семантике названий сел и хуторов, населенных собственно андийцами. Список этих населенных пунктов следующий: Анди, Гунха, Гагатль, Риквани, Ашали, Зило, Муни, Кванхидатль, Чанко, Цибильда, Рущуха. Сюда можно включить и название – Бичонни, обозначающее сейчас одну из окраин с. Гагатль, а в прошлом самостоятельное поселение. Все названные села, за исключением Муни, Кванхидатля и Чанко, расположены компактно в пределах обширной межгорной впадины, называемой андийской котловиной. Ее с севера окаймляет Андийский хребет, с востока – хребет Буцрах, с запада – хребты Речол и Гагудитлюры. Днище андийской котловины представляет собой долину р. Онсатлен (Унсатлен), протекающей в направлении, близком к С–Ю, и впадающей в Андийское койсу в виде его левого притока. Перейдем далее к предметному рассмотрению материала.

Анди (анд. *куанну*) – самое крупное андийское село, от названия которого и происходит сам этноним «андийцы» (самоназвание *куан*). Этимология данного названия недавно предложена М.А. Магомедовым (*МухАмадов М.*, 2009. С. 24–27). Значение рассматриваемого ойконима выводится из аварского слова «Гюнода», что семантически восходит к понятию «на склоне». Однако возникает вопрос – не является ли такой подход к расшифровке примером распространенной ошибки, когда для объяснения значения слова одного языка используется сходное по звучанию иноязычное слово? Наш подход к выяснению этимологии рассматриваемого названия другой. Он основывается на широком сравнительном и диахронном анализе слова с опорой на собственно андийскую лексическую основу.

Андийское звучание слова в русской транскрипции – *куанну* (*куан* – основа; -*ну* – суффикс локатива). Зиловцы (жители андийского с. Зило) произносят это слово как *уанну*; мунинцы (жители андийского с. Муни) – *уанду*; аварцы – *Ганди*, или *Гандиб*. Этимология представляется поддающейся расшифровке. Название можно возвести к правосточнокавказской (ПВК) форме $\bar{G}winV$ «селение», которая семантически и фонетически сближается с празападнокавказским (ПЗК) $\bar{G}I^w\bar{a}na$ в значении «дом» (*Nikolaev S.L., Starostin S.A.*, 1994. Р. 471). Близкое к исходному звучание слова помимо андийского сохранилось и в других современных восточнокавказских языках: цезском – q^win , гинухском – q^wen , в хваршинском – q^wan , инхокваринском диалекте чамалинского – qon , бежтинском и гунзибском – qun , в лезгинском (с метатезой) – $tu\acute{g}:I$, рутульском (с метатезой) – $tuq:I$ (*Nikolaev S.L., Starostin S.A.*, 1994. Р. 471). В современном ареале андийских народностей села со сходным с *куанну* названием имеются также на этнических территориях ахвахцев (*Куан-коро*) и по соседству с ними (*Коани*), а также у хваршинцев (название с. Хварши у самих хваршинцев звучит как «*хуану*»).

Таким образом, значение рассматриваемого названия – «селение». Такая расшифровка, на первый взгляд, выглядит неожиданной, но удивления она не должна вызывать. Можно вспомнить, что такое же значение имеет, например, название современного с. Ахвах в его собственно ахвахском звучании («гъанлъи» – село)¹, или то, что множество даргинских сел имеют окончание – *ши*, *-ша*, что означает «село», так же, как некоторые аварские села – *росу*, что вместе восходит к одному из ПВК названий села с вариациями – *š:i* (в даргинском), *ši* (диалект хощар-кота бежтинского языка), *š:e* (чирагский диалект агульского языка). В протоандийском варианте это слово, по-видимому, можно реконструировать близко к *aš*. Вспомним названия таких сел, как *Аш-оллу* (в ареале собственно андийцев), *Аш-ино* (в ареале ботлихцев), *Аш-ва* (в ареале ахвахцев), *Аш-ильта*, в среднем течении Андийского койсу – территории, для которой характерна исконная андийская топонимика. Существование такого же принципа образования ойконима можно отметить и у цезов (например, с. *Аль-ель*, притом что *аль* является смысловым аналогом андийского *aš*). Семантически и отчасти фонетически цезское *аль* близко цезскому же *š(:)* в значении «гнездо».

Гунха (анд. *гъунха*) – небольшое село между сс. Анди и Гагатль. На территории села обнаруживаются археологические находки, относящиеся к раннему железному веку и средневековью. Располагается на заметно возвышающемся и относительно изолированно холме. Последнее может служить очевидным объяснением этимологии названия села, как «у холма», от андийского *гъун* – холм. Может возникать соблазн рассматривать его в одном ряду с названиями аварских сел *Гъуниб*, *Хунзахъ* и искать другое смысловое содержание. Такой подход не кажется продуктивным. Спорной кажется, прежде всего, сама возможность объединения двух указанных ойконимов. *Гъун-иб*, как и рассматриваемое нами *Гъун-ха*, имеет явные признаки пространственной атрибуции («у холма»). Различия здесь выражены лишь в особенностях суффиксов локативов аварского и андийского языков. Что же касается названия *Хунзахъ*, то велика вероятность того, что оно имеет этнонимическую («у хунов»), а не пространственно-маркирующую природу.

Гагатль (в гагатлинском говоре андийского языка – *гъагъольли*) является вторым по величине после Анди селом в ареале расселения андийцев. Если судить по составу его тухумов, которые или являются производными от андийских, или образованы «подселившимися» к ним выходцами из других, не андийских сел, то это село нельзя отнести к числу древнейших в андийской котловине. Ключом к этимологии названия *гъагъольли* может служить то, что историческая часть села покоится на эродированной скальной поверхности известнякового склона. В естественном виде такая поверхность всегда бывает усеяна рыхлым щебнем – продуктом естественного разрушения коренной породы. Исходя из этого, выведение искомой этимологии из андийского *гъогъу* – «щебень» с добавлением суффикса локатива *-льли* и определение ее как «на щебне», «среди щебня» представляется оправданной.

Бичонни (анд. *бичлонни*). Этимология является очевидной. Название происходит от андийского «*мичли гъон*» – маленькое село (Агларов М.А., 2002. С. 118). Для гагатлинского говора андийского языка обычны переходы *м* в *б* в начале сло-

¹ «Гъанлъи» – происходит от общеандийского «*hon*» – слова, по всей видимости, более позднего, чем название «*Аш-ва*», с тем же, что и первое, значением «село».

ва перед гласными: например, машина – башина, Мугьаммади – Бугьаммади, мастер – бесидир и др.

Наличие в составе данного названия в значении «село» слова *гьон*, а не основы, близкой к *Gwin V, qon* или *aš*, говорит о том, что, судя по своему названию, данное село не относится к коренным в собственно андийском ареале. При этом его древность относительно с. Гагатль убедительно доказывается данными, подробно рассмотренными М.А. Агларовым в одной из своих монографий (Агларов М.А., 2002).

Риквани (анд. *рикIкIуна*). Этимология не ясна.

Зило (анд. *зилур*). Зила на андийском означает «дикий», «одичавший», «не одомашненный», «не освоенный», «пришедший в запустение». Возникновение названия села от одного из понятий указанной семантической группы в значении «на пустоши» (учитывая наличие в названии *зилур* суффикса локатива *-ур*) представляется возможным.

Муни (в верхнеандийском диалекте андийского – *беннур*, в нижнеандийском – *меннур*). По структуре слова (*мен-н-ур*) слово должно означать «умен». Но что значит здесь «мен» или «бен», остается загадкой.

Кванхидатль (анд. *кеоххидольIу*). Представляется, что по его структуре и содержанию название может быть разбито на две лексемы – *кво* («ручка»; в древнем значении – «рука») и *инххи* («сильный поток», «паводок» «стремнина», «река»). Конечное *-льIу* является суффиксом локатива. Село расположено у резкого сужения долины р. Андийское койсу, где река делает крутую излучину. Возможно, именно эта особенность каким-то образом отражена в первой части названия села. Что касается второй части, то правомерность ее этимологизации подтверждает повторяемость морфемы *инх* в названиях сел верхней (т.е., той же, где расположено и с. Кванхидатль) части долины Андийского койсу. Всего в нескольких километрах вверх по течению реки расположено каратинское с. Инхело (этимология из каратинского¹ – «у реки»), а примерно в 15 км вниз по течению – аварское с. Инхо с той же андийской этимологией «у реки».

Рущуха (анд. *рущуха*). Для этого названия может быть предложена этимология «у леса». Достоверность предлагаемого происхождения доказывается тем, что хутор расположен у небольшого участка соснового леса, единственного для всей андийской котловины. Можно предположить, что настолько значимый по своей уникальности признак не мог не отразиться на названии возникшего здесь поселения. С лингвистической точки зрения доказательством этому служит то, что по-андийски «лес» звучит как *решу*. Возможность изменения со временем *решу-ха* («у леса») на *рущу-ха* с ассимиляцией первой гласной и геминированием *ш* вряд ли может вызывать серьезные сомнения.

Чанко (анд. *чохьур*). В названии вычленяется суффикс локатива *-р*, но значение основы *чохь* остается неясным.

Цибилда (анд. *ЦиIибилла*). Нельзя не признать удачной мысль о происхождении этого названия от андийского «*циIи⁸ бил*», что буквально значит «новая гора», а по смыслу – «новое угодье». На такой вариант этимологии со ссылкой на жителя данного хутора – учителя Наджиюллы указывает М.А. Агларов (Агларов М.А., 2002. С. 118). Возможность возникновения названия именно с этим значением представить можно, если учесть, что как один из самых окраинных, хутор

¹ Напомним, что каратинский язык относится к андийским.

Цибилда действительно мог быть основан на земле, освоенной общиной с. Анди значительно позже относительно своей остальной экономической территории.

Но есть и другой путь этимологизации. М.А. Агларов высказал мнение, что искомая этимология в действительности может восходить к имени древнего общего аваро-андийского верховного божества ЦЮб. Это предположение кажется верным. Присвоение такого имени одной из самых высоких гор, окаймляющих андийскую котловину, не выглядело бы удивительным. Учитывая особенно то, что хорошо выраженные признаки обожествления горных вершин или включения их в древние культы и обряды этнографически хорошо зафиксированы у андийцев. Если принять эту линию рассуждений, то изначально название рассматриваемого пункта могло звучать как «ЦЮбоб бил» (Божья гора). Это выглядит как андийская калька аналогичного аварского топонима «ЦЮбол гохI» (Божья вершина). Близким к рассмотренному является и такой пример, когда андийское название Полярной звезды «ЦЮбор цЮла» (Божья звезда) в настоящее время звучит как «ЦЮборцЮлу».

Заключение

Названия тех андийских сел, происхождение которых удастся выяснить, по их семантической нагрузке делятся на две части – одни отражают особенности ландшафта или другие географические характеристики места, к которому приурочены населенные пункты, а вторые заключают в себе смысл «село» или «маленькое село». К первым относятся Гунха, Гагатль, Зило, Кванхидатль, Рушуха, Цибилда и, возможно – Риквани и Муни. Второй тип отразился в названиях сс. Анди, Ашали и Бичонни. В смысловом отношении первые имеют пространственно-атрибутивный, а вторые – преимущественно социально-атрибутивный характер.

Образование названий населенных пунктов в древности должно было быть связано не только с необходимостью пространственной маркировки. Оно представляло собой также естественный процесс формирования своего рода социальной терминологии. Возникновение поселений при переходе к прочной оседлости нельзя представлять как единовременное становление на определенной территории некоего множества равнозначных пунктов, с равномерным сосредоточением обитателей. Эти поселения неизбежно должны были отражать не только их функциональные (место добычи ресурсов, место переработки продуктов, место сезонных выпасов скота или охотничье-промысловых стоянок, долговременные круглогодичные поселения и т.п.), но и социальные особенности. На начальном этапе правомерно представить подразделение поселений, по крайней мере, на две разновидности: а) ординарные; б) выполняющие, помимо прочих, значимые для нескольких поселений общественные, меновые и культовые функции. Впоследствии происходила сегментация более крупных населенных пунктов. Возникновение дочерних поселений, а иногда и компактное оседание по соседству новопоселенцев извне должны были сопровождаться некоторым усложнением межпоселенческих социальных регуляторов. Иерархичность поселений и различие статусов каждого в этой иерархии (большое село, малое село, однодворное поселение и т.п.), конечно же, определенным образом отражалось на названиях конкретных населенных пунктов.

Из вышеотмеченного следует, что чем более древним является село (особенно если оно исторически крупное), тем больше вероятность того, что этимология его названия будет сводиться просто к понятию «село» – понятию, которое выражает высокий статус данного населенного пункта. «Село» должно было быть на-

селенным пунктом такого рода, которое объединяло вокруг себя более мелкие поселения, и вместе с ними представляло собой исходный, дискретный субъект социальных, языковых, этнических и политических процессов первобытности – процессов, которые существовали синкретично и протекали во многом неразрывно друг от друга.

Если говорить о древности ойконимов применительно к названиям современных сел, то возраст их не может находиться в прямой зависимости от величины того или иного населенного пункта. Вероятность сохранения до наших дней древнего названия, типичного для относительно крупного села, наверное, не выше, чем для соответствующего наименования поселения иного типа. Упомянутые выше сс. Ашали, Ашино, Ашильта не относятся к крупным, однако глубокая древность самих их названий – древность, которая охватывает несколько тысячелетий¹, сомнений не вызывает. Они отражают определенный тип наименований, но социальное содержание этого типа наименования нам не известно.

Ойконимы с основами и *ǵwinV* и *aš* существовали одновременно. Они оба имеют одинаковую этимологию – «село» и оба возводятся к ПВК языковому уровню. Возможно, два этих названия изначально были характерны для различных ареалов ПВК языкового пространства, а впоследствии на одной из окраин указанного ареала они совместились.

Выяснение значений названий сел – это интересная проблема, которая может рассматриваться как самостоятельное историко-лингвистическое исследование. Однако, если ставить задачу ономастической реконструкции, одной этимологической расшифровки будет недостаточно. Наиболее интересная и значимая информация, относящаяся, в частности, к социальной стороне номинаций, содержится в семантике рассматриваемых названий. При всей сложности этой стороны исследований обращение к ней представляется весьма перспективным. Этому, конечно, должно быть посвящено специальное исследование. Здесь же ограничимся лишь попутными замечаниями.

Можно рассматривать как правило то, что наиболее общая поселенческая терминология земледельческих обществ отражает идеологию родства, выражаемую в виде и кровной, и хозяйственной (экономической) общности. Обычно понятия «семья» и «род» объединяются с понятиями «поселение» и «жилище». Андийские языки не составляют исключения. Например, в собственно андийском языке *ǵyakъu* имеет значение «дом», а также «семейство, фамилия». У андийцев же *къай* – «домашний скарб», «хозяйство» переводится и как «стойбище», «двор». Производным от общеаваро-андийского *къай* у ботлихцев является *ǵай* в значении «стойбище», «квартал (часть) села», и, что особенно интересно, – как синоним понятия *тухум*. Эти и другие данные подталкивают к мысли о том, что изначально основной формой перехода к прочной оседлости было образование родовых (если использовать возникший относительно поздно термин «тухум», то «однотухумных») поселений. Применительно к горному Дагестану археологическим подтверждением этому может служить раскопанное почти полностью Чохское неолитическое поселение, состоящее из двух изолированных больших жилищ (Амирханов Х.А., 1987).

¹ Здесь речь идет о древности именно названий сел, а не самих этих современных сел. Надо помнить о «миграции» топонимов.

Естественной формой первичной иерархии (в момент возникновения этой иерархии) поселений должно было быть разделение их на однородные и состоящие более чем из одного рода. Естественно, это должно было отразиться и в первичных наименованиях данных поселений.

Семантическая группа понятий, обозначающая поселение и жилище, во множестве языков включает в себя, кроме упомянутых выше, такие слова, как «корень», «племя», «гнездо» и другие. Поскольку процессы, о которых идет речь, типологически едины, не вызывает удивления обнаружение сходных фактов в традиционной ономастике Дагестана. Например, *š(:)* в цезском (и близкие ему формы в других дагестанских языках) означает одновременно «село» и «гнездо» (*Nikolaev S.L., Starostin S.A., 1994. P. 471*).

Или название с. Цада («у огня», «на огне») на Хунзахском плато перекликается с древнерусскими названиями «огнище», «печище», которые типичны для древнейшего пласта ойконимов Русского Севера (*Куркина Л.В., 2008. С. 322–341*) и характерны преимущественно для некрупных поселений большесемейного типа.

Постановка и рассмотрение затронутых вопросов на более широком в масштабах территории Дагестана материале может послужить созданию весьма информативной базы для палеоисторических реконструкций регионального и локального охвата, «оживлению» конкретно-исторических реалий прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агларов М.А., 2002.* Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала.
- Амирханов Х.А., 1987.* Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.
- Куркина Л.В., 2008.* К истокам славянской социальной терминологии // Славянское языкознание. XIV международный съезд славистов. М.
- МухАмадов М., 2009.* БакI-бакIальул цIаразул кьучIалда халкьазул гIорхьабиги мацIазаул гIиритIиги чIезарияльул КъагIидаби // XI акъикъат, № 13. Т. 1. МахIачхъала.
- Nikolaev S.L., Starostin S.A., 1994.* A North Caucasian Etymological Dictionary. М.